

Двойной
Артефакт
ДЕТЕКТИВ

Т О л г а АРАСЕВИЧ

ТАЙНА
«КРАСНОЙ МОСКВЫ»

КАРТЫ
ВЕЛИКОГО МАГА

Москва
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т 19

Разработка дизайна серии *Дмитрия Сазонова*
Оформление обложки *Юрия Щербакова*

Тарасевич, Ольга Ивановна.

Т 19 Тайна «Красной Москвы» ; Карты великого мага :
[романы] / Ольга Тарасевич. — Москва : Издатель-
ство «Э», 2017. — 544 с. — (Двойной артефакт-детек-
тив).

ISBN 978-5-699-97023-0

Тайна «Красной Москвы»

Украденный запах — найдется ли в истории криминалистики преступление более загадочное? Все началось с самого обычного советского воровства: фабрика «Новая заря» украла аромат «Любимый букет императрицы», который сыновья парфюмера Генриха Броккара преподнесли в дар женщинам императорской фамилии. В течение столетия сладкий букет из смеси ириса, фиалки, гвоздики и жасмина еще не раз сменит владельца, чтобы очутиться наконец в доме Лики Вронской — писательницы, расследующей запутанную историю духов «Красная Москва»...

Карты великого мага

Таинственными нитями наши судьбы связаны с карточными символами, появившимися за много лет до нашего рождения. Кажется, нет человека, который мыслит более рационально, чем судебный медик, но именно ей, врачу и криминалисту Наталье Писаренко, предстоит, пусть и не по своей воле, вверить собственную жизнь колоде «Таро Тота». Проклятые карты, изобретение последнего чернокнижника Алистера Кроули, должны снова подтвердить свою способность менять реальность. Вопрос только в том, какими будут эти изменения, если магической колодой завладевает преступник...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Тарасевич О. И., 2017
© Оформление. ООО «Издательство
«Э», 2017

ISBN 978-5-699-97023-0

ТАЙНА «КРАСНОЙ МОСКВЫ»

*Все события и персонажи вымышлены автором.
Все совпадения случайны и непреднамеренны*

Пролог

За неделю до описываемых современных событий

Ее лицо везде, в каждом глянцевоm журнале, во всех ток-шоу, на многочисленных билбордах и даже бегущих по городу троллейбусах. Всем знакомы эти платиновые локоны, голубые глаза-льдинки и чуть отстраненная улыбка накрашенных красной помадой губ.

Популярность Екатерины Савицкой кажется мне вполне заслуженной. Она талантливая актриса, оригинальный сценарист, хороший режиссер. Екатерина не боится пробовать новое, ей интересно развиваться и идти вперед. Нет, это не девочка-однодневка, это — личность, характер, натура творческая и цельная. Думаю, именно поэтому Катя так красива. Я знаю каждую черточку, любую деталь ее внешности. Нет, по отдельности все небезупречно: нос с горбинкой, рот маловат с учетом пропорций лица, есть легкая асимметрия бровей. Но все это частицы пазла, из которых составляется редкая, дивная, яркая красота. Лицо этого настоящего воплощения любви забыть невозможно. Тело, впрочем, тоже. Рост моей болезни — 172 сантиметра, она весит 55 килограммов, и она прекрасна. У Кати фигура настоящей женщины, соблазнительной и желанной. Мне хочется ласкать ее нежно, неторопливо, до сладкого изнеможения и стонов.

Честно говоря, я даже не помню, какой была моя жизнь до того, как в ней появилась любовь к Кате. Все прошлое словно растворилось в ослепительной вспышке — восхищении настоящей невероятной фантастической звездой.

Я плохо помню, как началась эта любовь.

Но теперь вся моя жизнь — это только Катя.

Я знаю наизусть ее подробнейшую биографию.

Я слежу за любыми публикациями, где упоминается ее имя.

Я знаю домашний адрес Екатерины Савицкой, телефоны, расписание репетиций в театре и тренировок в фитнес-центре.

Никак не могу понять, почему другие особи женского пола не учатся у Кати искусству одеваться.

Вы посмотрите, как сегодня выглядят девушки и женщины! Разве они действительно похожи на девушек?! В этих толстовках и кедах?! С этими коротко стриженными волосами?! Я вообще не понимаю, как нормальная женщина может согласиться натянуть на себя эти шмотки, уродующие и оскорбляющие женскую привлекательность.

Катя совсем другая. Она сама женственность, сама элегантность.

Я в восторге от ее белых брючных костюмов и широкополых шляп, от ее полупрозрачных платьев из органзы, от ярко-красного корсета и широкой темно-синей бархатной юбки в пол. Она может быть величественной королевой, или строгой леди, или шаловливой девчушкой, но при этом остается истинной женщиной, очаровательной и сексуальной.

У Кати всегда идеально подобраны украшения и аксессуары. Макияж ее, как правило, очень ярок, но в этой броскости нет ни тени вульгарности, как не были вульгарны Мэрилин Монро или Марлен Дитрих.

Винтервью Катю часто спрашивают о духах, поэтому на моем столике собралась уже практически полная коллекция аналогичных ароматов. Конечно, Катя обожает «Шанель номер пять» и «Мицую», да и вообще ей нравятся яркие громкие запахи. «Лучше быть, чем казаться» — это все про нее, мою любовь и затяжную болезнь, от которой я вовсе не хочу поправляться.

В какой-то степени меня удивила и заинтриговала Катина любовь к духам «Красная Москва». Мне казалось, что это аромат из прошлой эпохи, немодный, непопулярный. Если бы не Катя, у меня никогда не возникло бы интереса к подобному запаху. Но в своих интервью моя любимая женщина говорила, что этот аромат она любит надевать перед сном. Искушение узнать, как пахнет ночью Екатерина Савицкая, было слишком велико. И вот заветный флакончик у меня.

Снимаю крышечку, вдыхаю и... и замираю от восхищения... Аромат терпкий, яркий, обращающий на себя внимание, но вместе с тем не вульгарный, не дешевый... как он подходит Кате!

Конечно, мне очень хотелось сделать ради моей любви что-нибудь значительное.

Обрадовать Катю, удивить ее, заинтриговать, вызвать улыбку.

И вскоре выяснилось, что у меня есть возможность все это устроить.

Причем сюрприз будет связан именно с «Красной Москвой», теми самыми невероятными духами, которые восхищают женщин вот уже более ста лет...

Мне кажется, духи — это мой шанс получить ее любовь.

Катя замужем. Она живет с женщиной и никогда не проявляла к девушкам никакого интереса.

Может показаться, что мне, женщине, никогда не удастся завоевать Катино сердце. Но дело в том,

что до того, как влюбиться в Катю, я тоже никогда не испытывала лесбийских наклонностей. Собственно говоря, я не очень хорошо помню, что из себя представляла моя жизнь до того, как в ней появилась Катя. Но то, что в ней никогда не было женщин — это совершенно точно. Помню, годика в четыре в меня влюбились два мальчика — Миша и Славик. И я понимала, что надо выбрать кого-то одного, но кого именно — так и не могла решить. Славик поражал детское воображение огромными, как у настоящего принца, глазами на пол-лица и копной светлых вьющихся волос. Миша всегда припрятывал для меня подарочек: конфету, пирожок, яблоко или просто ромашку с клумбы. Красота или забота? Дилемма не для детского мозга. Кстати, до сих пор не могу однозначно ответить, как лучше поступить в такой ситуации. В школе я тоже пользовалась успехом. Один парень учил меня целоваться, второй делал физику, в которой я мало что соображала... Помню парней, мужчин. Помню свою практичность... Кстати, из-за нее я и стала массажисткой. Какие бы времена ни наступали, у людей всегда будет остеохондроз, отложение солей или межпозвонковые грыжи. И хороший лечебный массажист без работы не останется... Впрочем, отвлекаюсь.

Катя — первая женщина в моей жизни.

Шансов на взаимность у меня немного. Но если вдруг со мной случилось это безумие, внезапно нахлынувшая любовь к женщине — то почему с Катей не может произойти чего-то подобного?

Я верю в это всеми фибрами своей души.

Я живу только ради этого...

Глава 1

Москва, 1862–1864, Анри Брокар

Россия пахла отвратительно. От трактиров несло тошнотворной кислятиной щей и горькой ядреной водкой, все рынки заволокло туманом из преюющих овчинных тулупов, забористой махорки, густого лукового духа. И даже состоятельные дамы, приезжавшие в лавку Гика на экипажах, явно очень экономно расходовали приобретаемое тут мыло: нет-нет, да и тянуло от шерстяных платьев сладким запахом женского пота, иногда маскируемого плохими французскими духами.

Анри Брокару очень хотелось обратно в Париж. По ночам ему снилась плывущая вдоль Сены сладость ванильных булочек, оттененная горечью жареных каштанов и свежей зеленью умытых садов. А какие невероятные ароматы кружились в парфюмерной лавке отца! Сразу, как войдешь в пронизанную солнечными лучами комнату, в объятия заключают нежное масло нероли, и терпкие землистые пачули, и страстный мускус. Потом же хоровод ароматов отступает, чтобы мощным неукротимым потоком разлился запах абсолю красной розы, бархатной и величественной. Но самым замечательным веществом была для Анри эссенция фрезии. Казалось, к тонкому цветочному запаху добавили осколков сияющих звезд и еще чего-то такого хру-

стально-манящего, что очень хочется узнать, понять и постичь — только оно всенепременно ускользает, как лукавый взгляд красивой дамы, брошенный из проносящейся мимо кареты. «Одна беда во Франции — парфюмеров тут больше, чем деревьев в лесу», — вздыхал отец, подсчитывая скудную дневную выручку. Потом пропала и она, лавку пришлось закрыть и отправиться в долгое путешествие за океан, в Америку. Оказалось, парфюмеров там нет — как и не имеется и привычек уместных людей пользоваться духами да одеколонами. Троим работникам — отцу, Анри и старшему брату Жерому — с утра до вечера просто нечем было заняться, так как все полки небольшой лавки были заставлены духами, а покупатели не шли, поэтому смешивать новые составы не имело решительно никакого смысла.

«Дети, послушайте меня, — лицо отца, державшего распечатанное письмо, стало непривычно оживленным. — Вот что пишет мне старинный приятель Константин Гук. Уже три года работает он в России. Дела идут хорошо, он переезжает в более просторную лавку. А еще ему нужен помощник-лаборант. Жалованье приличное. Ни во Франции, ни в Америке пока мы таких денег не зарабатывали. Дети, я уже не молод. Для меня путешествие в Россию — непростое испытание...» «Я никуда не поеду. Мы только начали тут работать, нельзя бросать все на полпути», — протараторил Жером, быстро догадавшись, куда клонит отец. Анри усмехнулся: дела сердечные для братца всегда были поважнее духов, и он всякий вечер, закрыв лавку, торопился в гости к живущей по соседству улыбчивой вдовушке. Впрочем, это даже к лучшему... «Конечно, я поеду в Россию, — Анри обнял отца, вдохнул запах гвоздичного масла, явно не более часа назад пролитого на сюртук. — Я готов идти хоть на край света, только была бы работа!»

Жить в России оказалось делом непростым. Снежные сугробы на протяжении долгого времени навевали грусть, от кваса и капусты, подаваемых тут и в захудалом трактире, и в богатом доме, болел желудок. Анри раздражало, что местные обитатели быстро перекроили его имя на свой манер и стали называть «Генрихом Афанасьевичем». Он каждый день менял белье и сорочки, и все равно не мог отделаться от запахов грязи, источаемых всем, в том числе и собственным телом.

«И все-таки я не жалею о переезде, — думал Анри, смешивая цветочные масла, которые потом будут добавляться в чаны, где варится дамское мыло. — Тут так интересно, несмотря на все эти русские особенности! Недавно я ходил в баня — что за праздник для носа! Залитые горячей водой березовые веники пахнут изумительно! Простые люди в этой стране моются не мылом, а щелоком, который готовят из печной золы. Даже поговорка есть: «Мыло черно, да моет бело». И я понимаю: через любовь к баня все здесь найдется спрос: и мыло, и духи...»

Закончив с работой, Анри вымыл руки, снял пропахший маслами и эссенциями фартук и заторопился в гости к бельгийцу Томасу Раве, державшему магазинчик хирургических инструментов. Тот ничего не смыслил в парфюмерии, подаренным одеколоном не пользовался и не душил ни платков, ни перчаток. Зато с ним можно было вволю поболтать по-французски. И еще у него имелась очаровательная дочь Шарлотта, чьи карие глаза и каштановые локоны лишили Анри покоя.

По дороге к Раве Броккар зашел в цветочную лавку, быстро осмотрел выставленные на прилавке букеты и указал на скромную корзинку с фиалками:

— Я возьму вот это!

Приказчик льстиво улыбнулся:

— *У вас прекрасный вкус, ваша дама будет довольна.*

Стараясь не расхохотаться, Анри кивнул:

— *Благодарю.*

Если бы только приказчик знал, для кого на самом деле предназначены эти цветы!

Конечно, получит их Шарлотта. Поставит корзину на столик подле рояля, всенепременно — она любит, когда букет стоит именно там. А потом к роялю подойдет тенор — тот самый, который вздыхает, поглядывая на Шарлотту, и она, кажется, тоже ловит его взгляд. В общем, соперник пройдет мимо столика к музыкальному инструменту — и от его дивного голоса, божественно исполняющего итальянские арии, не останется ровным счетом ничего. Он ни одной ноты не сумеет взять и разволнуется, не будет понимать, в чем дело. Аромат фиалок — главный враг голосовых связок. Может, это не очень хорошо — использовать знания о запахах в борьбе за любимую девушку. Но Шарлотта так увлеклась этим тенором, что сердце сжимается от отчаяния...

— *Месье Брокер, приветствую вас! — радушно воскликнул Раве, просиявший при виде Анри. — Прошу вас, проходите.*

Гостиная была полна людей. Тот самый тенор, соперник, естественно, любезничал с Шарлоттой. Глядя на его светлые волосы, чистые голубые глаза и невероятно свежий румянец, Анри впал в отчаяние.

Можно понять Шарлотту, тенор — настоящий красавец!

А что Анри? Довольно высок, строен, темноглаз, с роскошными черными усами. «Приятный мужчина, — шушукуются про него служанки. — И одевается со вкусом. Жаль только, до девушек не охоч, все возится со своими колбами и пузырьками».

Да, у Анри привлекательная внешность.

Но тенор, тенор — у него совсем другая красота, дерзкая, броская, роковая. Ангельский лик с могучим телом богатыря из русских сказок!.. От этого мужчины надо всенепременно оградить Шарлотту — иначе она влюбится в него до беспамятства!

Анри поцеловал Шарлотте руку, вручил цветы и отошел в дальний угол гостиной, ожидая рокового конфуза тенора.

Тонкий аромат фиалок уверенно расплывался по комнате, мешаясь со сливочным запахом помады для волос, вишневым следом трубочного табака и дерзким мускусом.

И вот ничего не подозревающий певец садится за рояль, бегут по клавишам его белые тонкие пальцы.

*Не для меня придет весна,
Не для меня Буг разольется,
И сердце радостно забьется
В восторге чувств не для меня...¹*

Грудь Шарлотты, стиснутая корсетом, взволнованно вздымается, малиновые губки приоткрыты.

Но следующие строки певец уже шипит, потом закашливается. Наконец, пробормотав извинения, спешно покидает гостиную.

Гримаска разочарования на любимом лице — как она отрадна!..

Этого тенора в гостиной у Раве Анри Броккар больше никогда не видел. Зато с ним Шарлотта стала еще любезнее, охотно гуляла по саду, показывала свои альбомы с переписанными стихами и акварельными набросками.

¹ Популярный романс предположительно на стихи А. Молчанова, обработку текста и музыку приписывают Н. Девитте. — Прим. автора.